

Традицию гонять шайбу после каждого представления в команде «Ледникового периода» ввел Александр Дьяченко

ФИГУРИСТ С ХОККЕЙНОЙ КЛЮШКОЙ

ВЫСОКИЙ, КРАСИВЫЙ, статный и очень мужественный — даже в том, что очень сдержан, не эмоционален, а главное, терпеть не может шумихи вокруг себя.

А любит он свою профессию, Америку, в которой прожил долгое время, и хоккей, в который неплохо играет — в рамках гастролей «Ледникового периода» даже стал зачинщиком товарищеских матчей, которые проводят фигуристы и артисты после выступлений. Разумеется, после проекта Ильи Авербуха, в котором он принял участие и даже вышел в финал вместе со своей партнершей Маргаритой Дробязко, он любит и фигурное катание. Но особо отметили любовь Александра Дьяченко к детям: на интервью Евгений Рухмалев взял с собой дочку. Впервые увидев звезду, Настена робко протянула листочек для автографа. Александр нежно обнял девочку, посадил к себе на колени и предложил: «Давай вместе интервью дадим?» Так и беседовали — эксклюзивно для «ММ».

Прочитала интересную вашу фразу о «Ледниковом периоде»: «Ты считаешь, что все можешь, и вдруг оказываешься в ситуации, когда ничего не можешь». Ведь вы уже чувствовали такое, когда оказались в Америке?

— Примерно, хотя я говорил о ситуации, когда ничего не можешь и нет перспектив: фигурное катание — вид спорта, которым нужно заниматься с детства. А в Америке, кроме осознания того, что ничего не можешь, у тебя есть уверенность, что это пока. В 1992 году передо мной открылись перспективы, и я сразу понял, что в Америке я многого добьюсь, собственно, что и произошло. Очень полезный был отъезд.

Тем не менее, вы вернулись навсегда?

— В общем да, хотя мне уже сложно представить себя живущим только здесь или там. У каждого человека есть свой радиус комфортности, и мой уже шире, чем это было 15 лет назад.

А тот менталитет вам близок? Несколько моих друзей встречались с Америкой, и более противоречивых оценок я не слышала ни об одной стране: ее либо любят, либо ненавидят — равнодушных нет.

— Я осторожно отношусь к таким определениям, как «менталитет». Я окружен огромным количеством людей — и здесь, и там, и каждый из них отличается от другого. Поэтому огульно сравнивать русских и американцев я бы не стал: разные люди с разными характерами, историями, судьбами, этикой... Национальное тоже влияет. Америка — очень большая страна, где другие экономические и политические законы.

А вы это поняли, уже побывав там, или сразу ехали с таким настроем?

— Нет, и этим я отличаюсь от того же Задорнова, постоянно пытающегося возбудить общественность по поводу американцев. Я очень уважаю этого человека, но это дешевый трюк. Есть взгляд человека, который приезжает туда на недельку-две и делает какие-то свои выводы, которые потом очень выгодно в качестве товара выдает на посмешище. И большинство людей, слушая его, даже не пытаются понять, о чем идет речь — всегда проще высмеять. А я, когда пересекаю границу, будто пластинку в голове меняю — и даже думать начинаю на другом языке: я знаю, как там, что, почему, каковы истоки — есть исторические дела, вещи, связанные с юмором национальным, который тоже берет свое... И если ты ничего этого не

ФОТО ЕВГЕНИИ РУХМАЛЕВА

знаешь, а видишь только верхушечку и ты приехал на две недельки погостить, а вот результат: американцы такие, а мы другие. А они такие же люди — с теми же потребностями. И мне очень сложно представить, что когда-нибудь мои друзья по ту и эту сторону океана вдруг начнут говорить друг о друге, как о врагах.

Какой опыт дала вам Америка? Пример удивительной человеческой терпимости в отношении друг к другу.

А разве это не дежурные улыбки?

— Ну представьте: вы приехали в чужую страну, где вы ничего не знаете, на языке которой вы не говорите, и вдруг вам в лифте человек улыбнулся. А вы не привыкли к этому — в России человек, вошедший с вами в лифт, поворачивается к вам спиной. С этого, собственно, все и начинается: внутренняя культура, основанная на терпимости, и большинство так называемых резиновых улыбок искренние с точки зрения отношения людей друг к другу — люди изначально положительно настроены. А у нас наоборот. Понимаете, высмеять легче, чем самим стать таким и уважать другую культуру и страну.

Я смотрела фильм «Женская интуиция», в котором вы сыграли главную мужскую роль. Я понимаю, что такое ампула — высокий, красивый, с печатью внутренней силы и состоятельности на лице — вам уже осточертело, ведь больше таких актеров нет?

— Да, именно поэтому я сейчас хотел бы выдержать паузу, пересмотреть все, что сделал, и попытаться начать что-то другое. Потому что все, связанное с мелодрамами, когда я высок, статен, красив и при этом никакой с точки зрения актерства, — это уже скучно. Хотелось бы уже попробовать на себе другой материал, человеческую историю — не историю для человека, а именно человеческую историю. Сейчас мне и моим коллегам чаще приходится работать в проектах, связанных с развлекательством, — отсюда и все эти «теле-муви», заполнившие все телепространство...

Поэтому вы так четко разделяете понятия: актер и шоумен?

— Именно.

И как долго вы намерены держать паузу?

— Вообще, это судьба. Главное — принять внутреннее решение. Вот я

принял внутреннее решение посидеть и знаю, что уже что-то в моей судьбе должно начать меняться — где-то там в высших сферах должны уже начаться серьезные астральные изменения. Если же этого не случится, надо будет просто вставать, идти и своими руками это делать — что, собственно, я и делаю всю свою жизнь, потому что мне никто никогда ничего на блюдечке не приносил.

Чем займетесь, отдыхая от профессии?

— Вот катаюсь в «Ледниковом периоде».

— Это отдых?!

— (Смеется). Да. Хорошая компания, мы ездим из города в город, нас прекрасно понимают, мы купаемся в людском внимании и тепле, и есть время все осмыслить.

Почему сценарии стали плохими: проблема в том, что вкус у публики плохой и они πιшутся на потребу, или талантливые сценаристы исчезли?

— А это вечный спор о первичности курицы и яйца: то ли продюсеры прививают народу плохой вкус и народ начинает сам требовать плохой продукт, то ли это изначально народ с плохим вкусом — непонятно. Ясно только, что есть тенденция, где одно сменяет другое: сначала у нас кругом была криминальная тема, теперь все заполнили сопливые мелодрамы. Но люди смотрят: есть рейтинги, телевидение — это бизнес, оплачиваемый рекламой, одно за другое цепляется. Очень сильна коммерциализация всего, я думаю, это будет еще больше усугубляться. Остается надеяться, что талантливые люди все равно, даже безотносительно денег, будут пытаться самовыразиться.

Насколько для вас была важна в этом проекте психологическая совместимость с партнершей?

— С этого все началось: фигурное катание — как раз тот самый вид спорта, где два супермогучих человека, не сойдясь характерами, ничего не могут.

А не касаясь фигурного катания: вам важно чувствовать связь с группой или в работе нужно абстрагироваться и делать свое дело?

— Проще, конечно, дружить. Сейчас, подходя к выбору проекта, я уже смотрю не столько на сумму и даже рафинированность материала, сколько на

команду, с которой придется работать несколько месяцев: прикидываю, сколько твоей крови будет выпито.

— И много обычно пьют?

— Да сама профессия такая — не безкровная.

— Придя в этот проект, вы, скорее всего, всех уже знали — понаслышке. Общаясь лично, открыли в этих людях что-то новое?

— Настя Волочкова открылась совершенно с другой стороны. Мне казалось, что она искусственная. Очень на самом деле открытый, эмоциональный и адекватный человек. Почти все отличаются от экранного образа. Пожалуй, Миша Галустьян — единственный, кто абсолютно гениален в своем умении быть таким, какой он есть. Весь «Период» у нас прошел под знаком «Наша Раша».

— А фигуристы?

— В Москве я играю в хоккей в команде «Росич» — там половина олимпийских чемпионов, великих мастеров. И это настолько глубокие и объемные личности! Наблюдая за ними, я понимаю, что совершенно не случайно все эти люди добились того, чего они добились: то есть в спорте, как и в любом другом деле, для того чтобы добиться многого, нужно быть состоявшейся личностью. Не знаю, откуда это — природное ли, звездное, но должна быть печать личности. То же скажу про всех наших ребят. Прекрасные люди с очень непростыми характерами.

— Как все вы отнеслись к напору желтой прессы?

— У меня сразу была договоренность с Первым каналом: мне не интересно пустословие, я считаю, что каждый должен заниматься своим делом, и профессия моя не связана с живописанием биографии, личной жизни и взглядов на материнство и детство...

— Боже, какой вы не современный!

— (Смеется). Все так говорят. Поэтому я был огражден от прессы.

— Кстати, о личном: в одном из ваших интервью было написано, что вы не женаты, но имеете возлюбленную.

— Это как раз то, о чем я говорю не буду категорически. Тогда мне пришлось так сказать, потому что начались нападки на меня и на Риту Дробязку.

— Дружба — это понятие возрастное? Ваши друзья проверены временем?

— Нет, у меня не осталось друзей детства. Я, можно сказать, поменял не-

сколько планет и, к сожалению, уже не могу вернуться на ту, где остались мои одноклассники, — между нами уже миры. Я всех помню, люблю, но не осталось ничего, что нас связывало бы.

— А есть ли что-то, кроме любви к родителям, что при переходе с планеты на планету все-таки всегда остается при вас?

— (Задумывается). Сама жизнь, просто в ней есть разные периоды. Я сторонник мировоззрения святого Августина, который говорил: душа, находясь в теле, ощущает лишь настоящее и не способна дотронуться ни до прошлого, ни до будущего. Вот я сказал слово — и оно уже прошлое. Я через секунду скажу другое слово — и оно еще в будущем. Вот я произношу его — и оно из настоящего ментально уходит в прошлое. Только настоящее человек может ощутить в полной мере, но есть прошлое, которое мы называем память, и будущее, которое мы называем ожидание.

— Вы верите в ожидание?

— Так же, как и в воспоминание, — конечно. И баланс между ними — крепко держаться за настоящее.

— Почему вы не хотите говорить о личной жизни?

— Потому что это нужно только мне и никому другому.

— А это важно — личная жизнь?

— Конечно. Это то, с чего мы начинаемся — душа, личное.

— Вы рвете душу: в работе ли, в личных ли отношениях?

— Для меня это основной принцип движения вперед, принцип прогресса — рвать душу. Когда сердцебиение спокойное, ничто не греет, дыхание ровное — душа тяжелеет, свинеет. А как только начинаются эмоциональные всплески, выхлопы, связанные с какой-то радостью или переживаниями, начинается душевное движение вперед.

— А разве нельзя дойти до предела мудрости, когда можно не рвать душу и при этом не «свинеть» душой? Найти некий баланс?

— О-о, это то, чего добиваются буддийские монахи многолетним сидением в созерцании и медитации — они ищут нирвану и пытаются слиться тем самым с природой. У нас у каждого есть шанс слиться с природой — после смерти. Так что сейчас можно немного поволноваться, мне кажется. Я, например, с удовольствием себя расходую.

РИТА ДАВЛЕТШИНА